

— ПАВЕЛ ЛИМОНОВ —

18+

НЕНУЖНАЯ ЖЕНА

НОЧЬ С ВРАГОМ
МОЕГО

ДРАКОНА

Павел Лимонов

**Ненужная жена. Ночь с
врагом моего дракона**

«Автор»

2026

Лимонов П.

Ненужная жена. Ночь с врагом моего дракона / П. Лимонов —
«Автор», 2026

На нашу двенадцатую годовщину муж застегнул мой свадебный браслет на запястье любовницы. Мне он приготовил бумаги на развод и дом у моря — достаточно далеко, чтобы я не мешала его новой жизни. Я забрала браслет, подписала развод и осталась в столице. Сняла комнату у подруги, достала иглы и принялась искать заказчиц. В тридцать пять начинать все заново было страшно. Но оставаться женщиной, которую можно убрать с глаз вместе с ненужными вещами, я больше не собиралась. А потом в моей жизни появился Марек Торн. Черный дракон. Мужчина, чье имя мой бывший произносил сквозь зубы. Я знала об их вражде — и все равно осталась с Марekom до утра. Потому что хотела его. Потому что впервые за долгие годы чувствовала: меня тоже хотят. Одной ночью это не закончилось. И тогда Гаррет решил вмешаться. Оказалось, он подписал развод в полной уверенности, что по-прежнему будет решать, где мне жить и кого любить. Особенно если я выбрала его врага.

Содержание

Глава 1. Другая хозяйка	5
Глава 2. Человек, которого я боялась	16
Глава 3. Ночь, которую выбрала я	26
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Павел Лимонов

Ненужная жена. Ночь с врагом моего дракона

Глава 1. Другая хозяйка

— Белые камелии придется убрать, леди Вейр.

Я подняла голову от плаща, лежавшего у меня на коленях. Керт стоял в дверях, не переступая порог рабочей комнаты. Управляющий всегда так делал, если собирался сообщить мне о решении Гаррета: ждал, пока я сама подойду и выслушаю.

Сегодня я осталась на месте. До приезда гостей было два часа, а на правом плече парадного плаща мужа все еще расходился защитный шов.

— Что с ними не так?

— Лорд Вейр распорядился поставить алые розы. Их уже привезли.

Я протянула нить через плотное сукно. На кончике иглы вспыхнула крохотная золотая точка и погасла, когда я прижала последний стежок пальцем. Обычная нить не удержала бы жар драконьего огня, но эта, с тонкой серебряной жилкой, могла защитить ткань от случайной искры. Большого от нее и не требовалось: Гаррет не собирался сражаться на собственной годовщине.

— Белые камелии заказаны три недели назад, — сказала я. — Их везли из нижних оранжерей. Вазы уже расставлены.

— Я понимаю, миледи.

По его лицу было видно, что понимание не приблизит нас к решению. Керт ждал, когда я разрешу ему выполнить уже полученное распоряжение.

— Отнесите камелии в малую гостиную. Только подальше от камина. И скажите садовнику, чтобы не выливал воду из ваз: я добавила в нее состав для бутонов.

— Разумеется.

В первый год нашего брака Гаррет сам принес мне белые камелии — примятые, в мокрой бумаге. Я тогда смеялась, разбирая лепестки у него на мундире. От воспоминания защипало в носу. Я закрепила нить.

На краю стола лежал мой рисунок дорожной накидки. Еще летом Тесса просила принести его в мастерскую: появилась заказчица. Я обещала прийти после королевского приема, потом после приезда гостей с севера. Теперь наступила наша годовщина, а рисунок все еще лежал под чужими воротниками.

Я убрала его в папку, разгладила плащ на столе и позвала Руту.

Горничная появилась почти сразу. В руках у нее была коробка с заколками для моих волос.

— Это отнести лорду Вейру? — спросила она, увидев плащ.

— Я сама. Ты лучше посмотри, готова ли вода. И попроси на кухне что-нибудь поесть.

Рута забрала с сундука тарелку, которую я совсем не заметила. Сыр на ней уже подсох по краям. Я виновато улыбнулась и вышла с плащом.

В коридоре пахло воском и розами. Пришлось прижаться к стене, пропуская слуг с высокой вазой. Солнце освещало белый камень и золотые драконьи крылья над дверью парадной залы.

Из столовой донесся голос Керта. Он менял рассадку. Я остановилась, услышав фамилию Арвей.

— Селину посадите рядом с отцом, — сказала я, заглянув в дверь. — Лорд Арвей плохо слышит левым ухом. Я отметила это в списке.

Управляющий закрыл рукой одну из карточек.

— Лорд Вейр внес изменения.

— Какие?

— Он хотел обсудить их с вами лично.

Я выдохнула. На двенадцатую годовщину брака мы с мужем снова разговаривали через управляющего.

— Где он?

— В зимней галерее. Но сейчас...

— Я отнесу ему плащ. Заодно спрошу про стол.

Керт сделал полшага следом за мной, затем остановился.

В галерею вели две двери. Большую, из гостиной, держали закрытой до приема, а узкой боковой пользовались домашние. Я толкнула ее локтем. Стекло створки подалась без скрипа, и меня обдало влажным теплом.

Гаррет стоял у скамьи возле лимонного дерева, склонив голову над женской рукой.

Я сперва увидела его пальцы. Он держал запястье осторожно, большим пальцем снизу, как держал мое, когда помогал застегнуть украшения. Потом — светлые волосы Селины, собранные на затылке, темно-красный шелк на ее плечах и улыбку, с которой она смотрела на него.

— Здесь туго, — сказала она.

— Нужно немного повернуть.

Его голос был тихим, терпеливым. Я давно не слышала его таким дома.

Селина шагнула ближе. Гаррет застегнул браслет, но ее руку не отпустил. Провел губами по внутренней стороне запястья — коротко, привычно, прежде чем поднять глаза.

У меня соскользнул с руки плащ. Я подхватила его за ворот и только тогда поняла, что все еще стою у открытой двери.

На запястье Селины лежали семь золотых листьев с молочными камнями. У самого маленького листа был чуть загнут кончик. Я зацепилась им за перчатку в день свадьбы и не позволила ювелиру выправить: мне нравилась эта маленькая неровность.

Три недели назад Гаррет забрал браслет, чтобы починить застежку.

— Ты его принес, — сказала я.

Глупее нельзя было ничего придумать. Но я смотрела на загнутый лист, и до меня не доходило, почему он лежит на чужой коже.

Селина быстро повернулась. Ее щеки порозовели, рука дрогнула, но она не попыталась отойти от моего мужа.

Гаррет выпрямился.

— Лиана.

Он произнес мое имя так, будто я вошла на важное совещание, о котором меня предупреждали.

Я перевела взгляд на его лицо. Темные волосы были еще влажными после купания. На щеке виднелся порез от бритвы, замеченный мною за завтраком. Почему-то эта мелочь мешала понять, что происходило перед моими глазами.

— Я принесла твой плащ.

Гаррет посмотрел на ткань в моих руках.

— Положи его. Нам нужно поговорить.

Я положила плащ на ближайшее кресло. Ворот зацепился за деревянный завиток. Я машинально высвободила его и разгладила.

— Селина, оставь нас, — сказал Гаррет.

Она посмотрела на него, потом на меня. Ей было двадцать восемь; я помнила, как ее отец хвастался на весеннем ужине, что дочь теперь сама ведет заказы своего дома.

— Мне лучше уйти совсем? — спросила она.

— Керт проводит тебя в синюю гостиную. Я приду.

Она кивнула и пошла к двери.

— Подождите, — сказала я.

Селина остановилась.

— Браслет.

Она опустила глаза на свое запястье.

— Я не знала, что он ваш.

Я посмотрела на Гаррета. Он не отвел взгляда.

Селина потянулась к застёжке, но пальцы скользнули. Несколько секунд я смотрела, как она пытается справиться сама. Потом Гаррет подошел к ней и расстегнул браслет. Он знал, куда нажать.

Украшение он положил на край столика между нами.

Селина вышла. Дверь мягко закрылась, и в галерее стало слышно, как в каменную чашу стекает вода из маленького настенного фонтана.

— Это продолжается давно? — спросила я.

Гаррет провел ладонью по затылку.

— Я хотел сказать тебе иначе.

— Давно?

— Несколько месяцев.

— Сколько?

Он замолчал, и я вдруг испугалась ответа. Мне захотелось, чтобы он сказал: неделю. Чтобы осталось хоть какое-то недавнее время, в которое можно было вернуться мысленно и найти там нас двоих.

— Восемь, — сказал он.

Я придержалась за спинку кресла.

Восемь месяцев назад был конец зимы. Гаррет тогда плохо спал, ходил по комнате перед рассветом и почти не прикасался к еде. Я решила, что дело в службе. Выбирала минуты, когда можно спросить, чем помочь, и старалась не обижаться, если он отвечал резко.

— Восемь месяцев, — повторила я. — И ты привел ее сюда сегодня.

— Она приехала с отцом. Он мой гость.

— Я знаю, чей она гость. Я составляла список.

Гаррет сжал губы. В янтарной радужке мелькнул узкий золотой ободок — огонь отзывался у него так на раздражение. Раньше я по этому отблеску понимала, когда пора закончить неприятный разговор. Сегодня я смотрела на него и ждала.

— Нам давно нужно было обсудить наш брак, — сказал он.

— Я пыталась. Ты говорил, что устал.

— Я действительно уставал.

Мне стало холодно в теплой галерее. Я сцепила руки, чтобы не растирать плечи на его глазах.

— Ты хочешь уйти к ней?

— Лиана, речь не о том, кто куда уйдет.

Он посмотрел мимо меня, на дверь. Я повернула голову вслед за его взглядом. За матовым стеклом никого не было.

— Тогда о чем?

— Я собираюсь жениться на Селине.

Вода продолжала падать в чашу. Я никак не могла перестать слышать каждую каплю.

— Ты собираешься жениться, — сказала я. — А со мной что собираешься сделать?

— Обеспечить тебя. Достойно. Я не оставлю тебя без средств, и ты это знаешь.

Он произнес это с такой уверенностью, что у меня на мгновение пропал голос.

— Ты даже не спросишь, согласна ли я на развод?

— А ты хочешь сохранить все как есть?

Я открыла рот и не нашлась, что сказать.

Гаррет подошел ближе. Теперь я чувствовала знакомый запах его кожи и свежего мыла. Он всегда был теплее меня; даже зимой, вернувшись с улицы, мог согреть мои пальцы одним прикосновением. От этого воспоминания у меня свело горло.

— Послушай. Ты была хорошей женой. Я благодарен тебе за все, что ты делала для дома. Но между нами давно...

— Не надо.

Он остановился.

— Не говори сейчас про дом.

Я отступила от него и ударилась локтем о край кресла. Боль была резкой, неприятно ясной. Захотелось расплакаться именно от нее.

— Я не хочу причинять тебе боль, — сказал Гаррет.

— Тогда убери ее из нашей галереи.

— Она уже ушла.

— Ты понял, что я сказала.

Он выдохнул и отвернулся к окну. В стекле отражались его лицо, мое и неподвижные листья лимонного дерева между нами.

— Я не разорву отношения с Селиной.

Я кивнула. Один раз, слишком быстро. Потом еще раз, словно мне требовалось помочь себе усвоить услышанное.

— Хорошо. Значит, развод.

Гаррет повернулся ко мне. На его лице промелькнуло облегчение, и оно оказалось больше почти всего, что он успел сказать.

— Я знал, что мы сможем поговорить разумно, — произнес он.

Я опустила на край нагретой солнцем скамьи. Колени подгибались, и я с облегчением позволила себе сесть.

— Ты уже все подготовил?

— Основное. Керт передаст тебе бумаги. Я оставлю за тобой дом на Южном побережье. Там хороший воздух, ты любила туда ездить.

— На две недели летом.

— Можно остаться дольше. Тебе нужен покой. Управляющий наймет прислугу, деньги будут приходить каждый месяц. Личные вещи, разумеется, ты заберешь.

— Ты хочешь, чтобы я уехала.

— На первое время так будет легче всем.

— Ей тоже?

Гаррет нахмурился.

— Селина здесь ни при чем.

Я посмотрела на браслет. Он лежал на столике, один из листьев свешивался с края.

— Не говори так. Хотя бы сейчас.

— Хорошо. Не буду. Но дело действительно в нас с тобой. Ты ведь сама чувствовала, что мы отдалились.

— Я чувствовала, что ты меня избегаешь.

Он ничего не ответил.

У меня пересохло во рту. На столике стоял кувшин воды и два бокала. В одном оставался отпечаток розовой помады. Я встала и налила себе в чашку из-под чая, найденную за горшком с розмарином. Вода пахла вчерашней заваркой. Я пила и не могла понять, почему не вылью ее и не возьму чистую посуду.

— Когда? — спросила я.

— Что именно?

— Развод. Когда ты его назначил?

— На завтра. Девять часов. Храмовая площадь.

Я поставила чашку.

— Ты договорился со свидетелем, даже не поговорив со мной?

— Я хотел поговорить после приема. Без спешки. У нас было бы время обсудить условия.

Он собирался позволить мне переодеться, принимать поздравления, поднять бокал за нас двоих. Я ведь уже придумала, что скажу: последние дни искала теплые слова, которые не прозвучали бы упреком.

— А она знала про завтра?

Он помедлил.

— Лиана, это ничего не меняет.

Я усмехнулась и прижала ладонь к губам. Звук вышел чужим, некрасивым.

В галерею постучали.

Керт приоткрыл дверь ровно настолько, чтобы его было видно. Он держал папку цвета слоновой кости.

— Прошу прощения, милорд. Вы просили передать...

— Оставь на столе, — сказал Гаррет.

Управляющий вошел. Мне показалось, что он старался не смотреть на меня, но, когда я подняла глаза, его лицо было обычным, собранным. Он положил папку подальше от браслета и кувшина, чтобы не испачкать бумаги.

— Гостей начнут встречать через час, — напомнил он. — Музыканты прибыли. Как распорядиться насчет...

— Мы скоро выйдем, Керт.

— Я не выйду, — сказала я.

Гаррет посмотрел на меня. Управляющий замер.

— Оставь нас, — повторил мой муж.

Когда дверь закрылась, он подошел к скамье и сел рядом. Я отодвинулась, и между нами осталось место для третьего человека.

— Сегодня соберутся люди, которых мы пригласили месяц назад. Некоторые специально приехали в столицу.

— Я знаю.

— Среди них будет представитель королевы. Ты понимаешь, как это выглядит?

Я представила, как гости понижают голоса, наклоняются друг к другу. Завтра они будут обсуждать меня. От стыда захотелось закрыть лицо.

— Скажи, что я заболела.

— В такой вечер? Все равно начнутся разговоры.

— Тогда скажи правду.

— Не надо крайностей. Я прошу тебя о двух часах. Встретить гостей, поужинать. Потом можешь уйти к себе. Я ничего от тебя больше не требую.

Он протянул руку и коснулся моего запястья. Я сразу вспомнила, как несколько минут назад его губы касались руки Селины, и отдернула свою.

Гаррет убрал ладонь.

— Ты сейчас очень расстроена. Я понимаю. Но завтра ты будешь рада, что не дала повода себя жалеть.

На его пальце все еще было обручальное кольцо.

— Гаррет, я не смогу сидеть с тобой за столом.

Мой голос дрогнул, и я разозлилась на себя. Мне хотелось сказать это твердо, чтобы он сразу понял. Вместо этого я звучала так, будто просила отпустить меня из-за головной боли.

— Сможешь. Ты всегда прекрасно держалась на людях.

Я подняла на него глаза.

— Я не хочу.

Он встал.

— Хорошо. Попроси Руту принести тебе успокаивающий настой. Полежи до вечера. Если передумаешь, спустишься.

— Я уйду из дома.

— Куда?

Вопрос прозвучал быстро. Впервые за все время он не успел придать голосу терпеливый оттенок.

Я еще не знала, куда пойду. Тесса могла принять меня, а могла уехать по делам. Можно было снять комнату. Мне никогда не приходилось искать ночлег в собственном городе.

— Решу, — сказала я.

— Не делай глупостей. Это все еще твой дом. Никто не заставляет тебя уходить сегодня.

— А завтра?

Он посмотрел на меня, и мне больше не понадобился ответ.

Я забрала папку. Браслет остался лежать на столике; прикоснуться к нему я не смогла.

— Плащ готов, — сказала я у двери. — Шов на плече лучше не мочить до утра.

Я услышала собственные слова и остановилась. Гаррет тоже замолчал. В эту секунду мне было больно так, что я почти согласилась остаться: достаточно было повернуться, позволить ему обнять меня, хотя бы ненадолго снова оказаться в знакомом положении.

Я вышла, прежде чем он успел ко мне подойти.

* * *

В спальне Рута раскладывала на кровати мое платье. Темно-зеленый шелк мягко блестел в свете окна. Я выбрала его потому, что Гаррет когда-то сказал: в зеленом у меня особенно теплые глаза.

Горничная оглянулась.

— Вода готова. И я принесла вам свежий хлеб с паштетом. Сначала поедите?

— Рута, достань дорожную сумку.

Она отложила ленту.

— Большую, миледи?

— Ту, с которой я ездила к морю.

Рута подошла к шкафу. Я положила папку на туалетный столик и стала расстегивать домашнее платье. На третьей пуговице пальцы перестали слушаться.

— Помоги мне.

Она сразу оказалась рядом. Не спросила, куда я собираюсь. В зеркало я видела, как она осторожно снимает с меня платье, словно боялась задеть ушиб.

Я смотрела в зеркало, словно надеялась найти причину. Но лицо было тем же, которое я видела утром: карие глаза, складка между бровями от привычки шуриться над темной тканью. Волосы выбились из узла. Никакого ответа в зеркале не было.

— Синее, — сказала я. — Простое, с застежкой впереди.

Рута достала платье, в котором я ходила к Тессе за тканями. Оно немного вытерлось на внутренней стороне рукавов. Я провела пальцем по шву и подумала, что нужно было давно его обновить.

На кровати раскрыли сумку. Я положила в нее белье, чулки, второе платье и теплую шаль. Затем подошла к своей половине большого шкафа.

Рута взяла с полки серебряную щетку для волос.

— Эту?

— Да. И гребень.

Я хотела добавить «остальное потом», но не смогла. Не было понятно, будет ли потом и как я войду в эту комнату, если на моем столе окажутся чужие флаконы.

Я присела перед нижним ящиком и достала небольшую шкатулку. В ней лежали мамины серьги, брошь с темным сердоликом и мешочек с деньгами. Мама велела мне оставить деньги при себе, когда я выходила замуж. Я тогда обиделась: мне казалось, она сомневается в Гаррете.

Я погладила старую ткань мешочка. Завязки обтрепались. Я ни разу не потратила оттуда ничего серьезного и сейчас не могла вспомнить точную сумму.

В рабочей комнате было прохладнее. На столе остались игольница, раскрытая коробка с серебряной нитью и чашка, на дне которой высох чай. Я взяла мамин футляр с ножницами и привычно проверила, не отогнулся ли кончик самого тонкого лезвия.

Большие пальцы у окна Гаррет сам устанавливал в первый год нашего брака. Ругался на винт и велел не звать слугу: ему хотелось разобраться. Я провела ладонью по гладкой раме. Их предстояло оставить.

С собой я взяла маленькие пальцы, иглы, собственные рисунки и начатый кошелек, на котором проверяла новое плетение. Дорогие ткани для заказов Гаррета остались в шкафу. Рута помогла уложить все в рабочую сумку и завернула ножницы, чтобы они не прорвали подкладку.

В спальне нас ждал Гаррет. На нем уже были парадный мундир и починенный мной плащ. Защитный шов на плече лежал ровно.

Он посмотрел на сумки.

— Все-таки решила устроить сцену.

Я поставила рабочую сумку на стул.

— Рута, позови извозчика. Пожалуйста.

Горничная покосилась на Гаррета.

— Наш экипаж подадут через несколько минут, — сказал он. — Не нужно искать чужого человека на улице.

— Я хочу извозчика.

Он помолчал, потом коротко кивнул. Рута вышла.

— Где ты собираешься ночевать?

— У Тессы Брант. Если она дома.

— У портнихи?

— У моей знакомой.

Гаррет положил что-то на край постели. Браслет тихо звякнул о деревянное изножье.

— Ты забыла.

Я взяла его и убрала в шкатулку, не надевая.

Он проследил за моими руками.

— Я не отказываюсь от обещанного. Прочитай бумаги, когда успокоишься. Все можно решить без неприятностей.

Снизу послышался звук открываемых парадных дверей. Приехали первые гости.

Гаррет выпрямился и поправил манжету.

— В храме будь к девяти. Свидетель не станет ждать весь день.

— Я услышала.

Он вышел. Я еще несколько секунд стояла у кровати, вслушиваясь в его шаги. Потом наклонилась, чтобы застегнуть сумку.

В холле слуга предложил помочь с багажом. Я позволила ему взять большую сумку, а рабочую прижала к себе. У парадной двери стоял Керт.

— Лорд Вейр просил убедиться, что вы благополучно добрались.

— Передайте ему, что адрес ему известен.

Управляющий придержал дверь.

Из гостиной донесся смех. Я различила голос Гаррета — спокойный, приветливый, именно такой, каким он встречал гостей. На миг захотелось заглянуть туда, посмотреть, как ему удастся так быстро вернуться к обычному вечеру.

Я пошла к экипажу.

Извозчик спросил адрес и помог мне подняться. Я зацепилась подолом за высокую подножку и едва не упала. Пришлось сначала устроить сумку, а потом уже садиться самой.

Колеса тронулись.

Я отвернулась от окна, но все же успела увидеть входные ступени и две вазы с алыми розами.

Пока мы спускались к реке, меня трясло на каждой неровности. Я пыталась устроить сумку так, чтобы металлические пальцы не били по ноге, и почему-то никак не могла. Наконец поставила ее на пол и зажала между ступнями.

Извозчик спросил, не закрыть ли окно.

— Не нужно.

Воздух с реки пах сыростью и печным дымом. У лотка с горячими каштанами спорили покупатели. Я вслушивалась в их голоса, цепляясь за отдельные слова.

* * *

У Каменного моста экипаж остановился возле узкого дома с синими оконными рамами. На вывеске золотыми буквами было написано: «Ткани и шитье. Тесса Брант».

Я расплатилась и занесла сумки в магазин. Колокольчик над головой звякнул слишком громко.

Тесса стояла у прилавка, держа в зубах булавку. Увидев меня, она улыбнулась, затем посмотрела на багаж и вынула булавку.

— Ты решила перенести ко мне весь прием?

Я хотела ответить. Даже попыталась улыбнуться, но рот вдруг начал дрожать.

Тесса обошла прилавок.

— Лиана, что случилось?

— Можно я сегодня переночую у тебя?

Она взяла у меня рабочую сумку.

— Можно. Поднимайся вверх. Я сейчас закрою дверь.

— У тебя еще покупатели?

— Уже нет. Нелла, убери образцы со стола. Остальное завтра.

Девушка за стеллажом кивнула и принялась складывать ткань. Тесса повернула табличку на двери, задвинула засов и повела меня к лестнице.

Наверху были две комнаты и кухня. Тесса отвела меня туда, где стояла узкая кровать, убрала с тумбы коробку с кружевом и сняла со стула сохнувшую простыню. В комнате пахло лавандой.

— Шаль снимешь?

Шаль так туго стягивала шею, что край врезался в кожу.

Она говорила терпеливо, и от этого у меня наконец полились слезы. Я стояла посреди чужой комнаты и никак не могла найти концы узла.

Тесса распутала его, сняла шаль и обняла меня. Я уткнулась ей в плечо. От ее платья пахло тканью, утюгом и луком — должно быть, перед моим приездом она готовила ужин.

— У него другая, — сказала я. — Он завтра разводится со мной.

Тесса чуть отстранилась, чтобы посмотреть мне в лицо.

— Завтра?

Я кивнула.

— Он все назначил. А сегодня просил остаться на приеме. Чтобы я встречала гостей.

Она стиснула губы и усадила меня на кровать.

— Подожди здесь. Я принесу воды.

— Не уходи.

Тесса сразу села рядом.

Какое-то время мы молчали. Я пыталась остановить слезы, но от попыток только сильнее перехватывало дыхание. Пришлось перестать стараться. Тесса достала из кармана чистый платок и вложила мне в руку.

— Ты его увидела с ней? — спросила она, когда я смогла дышать ровнее.

— Да. В галерее. Он отдал ей мой браслет.

— Тот, с листьями?

— Представляешь, я сначала спросила про застёжку.

Я посмотрела на Тессу, ожидая, что она скажет что-нибудь, от чего станет менее стыдно.

— Я бы, наверное, тоже спросила что-нибудь дурацкое, — ответила она. — Когда узнаешь такое, трудно сразу найти подходящие слова.

Я вытерла лицо ее платком.

— Он сказал, восемь месяцев.

Тесса медленно выдохнула.

— Кто она?

— Селина Арвей.

— Я видела ее у тебя весной.

— Они тогда уже... — Я не договорила. — А я проводила ее по дому. Она спрашивала, где мы заказывали стекла для галереи. Ей понравились зеленые края.

На этой подробности меня снова прорвало. Я помнила, как радовалась чужому интересу, как рассказывала про старого мастера, которого едва уговорила взяться за работу. Селина слушала внимательно. Я провела ее к той самой скамье и велела принести нам чай.

Тесса держала меня за руку. Не торопила, пока я с трудом пересказывала разговор с Гарретом. Иногда переспрашивала, если не понимала. Когда я дошла до дома на побережье, она нахмурилась.

— Ты согласилась уехать?

— Я согласилась на развод. Про дом я почти не слушала.

— Значит, сегодня больше ничего не решай. Бумаги никуда не уйдут.

Я кивнула. От долгого плача болели лицо и виски. Тесса принесла теплую воду, а потом оставила меня умыться и переодеться.

Я открыла сумку. Белье сбилось к одному краю, шкатулка упиралась в гребень. Пришлось вынуть почти все, прежде чем я нашла ночную рубашку. Я положила ее на подушку, потом принялась складывать вещи обратно и вдруг поняла, что не знаю, куда поставить саму сумку.

Дома она хранилась на нижней полке гардеробной. У окна стояло кресло, на которое я бросала шаль. Возле кровати лежала книга с заложённым уголком страницы — я даже не вспомнила о ней, когда уходила.

Здесь можно было занять половину шкафа. Наверное, Тесса не возражала бы. Но мне было трудно открыть дверцу, как будто этим я признала бы, что останусь дольше одной ночи. Из кухни донесся стук ложки о край кастрюли.

— Лиана, ты ела сегодня?

— Кажется, утром.

— Тогда иди сюда. Пока не остыло.

Я убрала вещи в шкаф и пошла на запах супа.

У Тессы был маленький круглый стол. Одну его ножку подпирали сложенный кусок кожи. На стене над плитой сохли травы, возле окна лежала книга заказов, раскрытая на странице с цифрами.

Я села, взяла ложку и некоторое время смотрела на нее. В доме Гаррета уже должны были подавать рыбу. Я сама выбирала соус, потому что в прошлом году он показался ему слишком кислым.

— Здесь нет ничего острого, — сказала Тесса, заметив мою неподвижность. — Ешь понемногу.

Первую ложку я едва проглотила. Потом еще одну. Тепло разошлось по животу, и я поняла, как сильно замерзла за этот день.

— Я заплачу тебе за комнату, — сказала я.

— Мы обсудим это, если ты решишь остаться. За сегодняшнюю ночь денег не возьму.

— Я не хочу стеснять тебя.

Тесса посмотрела на меня поверх своей тарелки.

— Мне пришлось убрать коробку и снять простыню. Я справилась.

Я опустила взгляд, но уголки губ сами дрогнули.

— Я могу помочь тебе с работой, — сказала я.

— Сначала поспи. Утром будет видно.

* * *

В комнату я вернулась с чашкой воды. Села на кровать и достала из сумки папку.

Среди аккуратно исписанных страниц оказалось короткое заявление о расторжении брака. Под ним уже стояла подпись Гаррета. Я знала ее изгибы так же хорошо, как его голос. Когда-то он этой же рукой написал мне на обороте приглашения: «Задержишься после танцев. Хочу еще немного побыть с тобой».

Я перевернула лист, хотя на обороте ничего не было.

Дальше шли условия содержания. Там перечислялись суммы, дом у моря и вещи, которые предполагалось туда перевезти. Посреди страницы стояла фраза о моем согласии покинуть Равенну после завершения храмового обряда.

Я прочла ее дважды.

Казалось бы, стоило обрадоваться: мне предлагали знакомый дом, прислугу, спокойную жизнь. Но я представила, как сижу у окна и жду привычного стука колес. Как каждый день вспоминаю, что ждать больше некого. А здесь, за тонкой стеной, Тесса передвигала стул и ворчала на какую-то кривую строчку в книге заказов.

Я вышла к ней с листом в руке.

— У тебя есть чернила?

Она молча подвинула мне чернильницу и перо.

Я провела черту через фразу о выезде из столицы. Перо зацепилось за бумагу, оставив кляксу. Пришлось промокнуть ее уголком ненужного счета.

— Я не подписывала эти условия, — сказала я.

— Вижу.

— И не буду. По крайней мере, сегодня.

Тесса пододвинула мне чистый лист. Я написала, что на развод согласна, к назначенному времени приеду и обсуждать содержание буду отдельно. Последней строкой добавила, что остаюсь в Равенне. Потом сложила письмо и попросила отправить утром.

Спала я плохо. Просыпалась от скрипа пола, от телеги под окном, от собственного неловкого движения на узкой кровати. Один раз протянула руку в сторону, где обычно лежал Гаррет, и коснулась прохладной стены.

Под утро все же уснула крепче. Когда Тесса постучала, я сперва не поняла, чей это голос.

— Уже половина восьмого. Твое письмо забрал посыльный. Я сказала, что ответ ждать не надо.

Я села. Отекшие веки плохо открывались. На стуле лежало синее платье, а рядом Тесса оставила чистый воротничок.

— Ты все еще хочешь сегодня в храм? — спросила она.

Я посмотрела на обручальное кольцо. Ночью оно стало тесным, пришлось повернуть его, чтобы не давило на палец.

— Да. Хочу.

— Тогда умывайся. Я приготовила завтрак.

Она уже повернулась к двери, когда я ее остановила.

— Тесса, ты могла бы поехать со мной?

— Могла бы. Только сначала поедим. Вчерашний день ты почти целиком прожила без еды, сегодня я такого не допущу.

Я откинула одеяло и потянулась за платьем.

Глава 2. Человек, которого я боялась

В храме пахло воском и мокрыми пальто. У входа мальчик-служка вытирал каменный пол, и Тесса придержала меня за локоть, когда моя подошва поехала по воде. Я посмотрела на нее с такой благодарностью, будто она предотвратила не падение, а нечто гораздо худшее.

— Поесть надо было больше, — сказала она.

Я съела половину хлебца. Вторую половину старательно крошила, пока Тесса не забрала тарелку. Сейчас крошки вспоминались яснее, чем дорога: я даже не заметила, с какой стороны мы объехали площадь.

Гаррет ждал у боковой двери. Вчерашний парадный плащ он сменил на темный, дорожный. Под ним белел воротник рубашки, которую я велела перешить весной: прежний натирал шею. От этого узнавания стало так больно, что я опустила глаза на застежку собственной сумки.

— Ты получила мое письмо? — спросил он.

— Я прислала тебе свое.

— Мне передали. Можно было обсудить все дома.

Он кивнул Тессе — без невежливости, но так, словно ее присутствие здесь было необязательным. Она ответила тем же коротким кивком и осталась рядом.

— Я готова, — сказала я.

Храмовая свидетельница оказалась пожилой женщиной с гладко убранными волосами. Она представилась Наирой, пригласила нас в небольшую комнату и спросила Тессу, кем она мне приходится.

— Подругой. Я попросила ее прийти.

— Тогда вы можете остаться, госпожа Брант.

На столе лежала широкая медная пластина с двумя углублениями для ладоней. В день свадьбы она казалась мне золотой. Возможно, та действительно была позолочена: Гаррет тогда настоял на большом зале, цветах и хоре. Здесь вместо хора за стеной кто-то переставлял стулья. Ножка скрипнула по плитке, и Гаррет недовольно повернул голову.

Наира проверила наши имена и согласие. Когда она произнесла мою девичью фамилию, я не сразу поняла, что вопрос обращен ко мне.

— Лиана Ровель, вы подтверждаете, что хотите расторгнуть брак с Гарретом Вейром?

— Подтверждаю.

— Вас не принуждают к этому решению?

Я подняла глаза. Гаррет стоял напротив, прямой, спокойный, чуть нетерпеливый. Я знала его нетерпение по тому, как большой палец проводил по шву перчатки. Еще вчера мне захотелось бы ускорить разговор ради него.

— Нет. Я сама хочу прекратить этот брак.

Наира спросила то же у Гаррета. Он ответил сразу.

Все оказалось почти неприлично просто. Никаких признаний перед алтарем, рассказов о восьми месяцах обмана, объяснений, почему я не заметила. Мы пришли сюда не судить друг друга. От нас требовалось согласиться, и мы согласились.

— Положите кольца в чашу. Затем ладони на пластину.

Мое кольцо не снималось. Я потянула сильнее, ноготь скользнул по металлу. Гаррет протянул руку.

— Дай.

— Я сама.

Он замер. Наира без слов подвинула маленькую чашечку с мыльной водой. Я смочила палец, покрутила кольцо и наконец сняла его. Под ободком осталась белая полоска. Кожа выглядела слишком голой.

Гаррет положил свое кольцо первым. Мое звякнуло о него. За двенадцать лет я несколько раз снимала его для работы, но всегда знала, что вечером надену обратно.

Медь была теплой. Под ладонью проступили тонкие линии, похожие на прожилки сухого листа. Я ощутила знакомый отклик домашних чар — то самое едва заметное прикосновение, которым дом узнавал меня на пороге. Оно началось у запястья, поднялось до локтя и исчезло. Я вздрогнула.

Гаррет посмотрел на меня, но ничего не сказал.

— Семейная связь прекращена, — произнесла Наира. — С этой минуты вы свободны от брачных обязательств друг перед другом. Домовые допуски, основанные на браке, погашены. Вещные и денежные споры решаются отдельно и не влияют на ваш статус.

Она повернула пластину к свету. Линии уже пропадали.

Я ждала, что почувствую пустоту или облегчение. Вместо этого мне захотелось сесть. Тесса придвинула стул, и я поблагодарила ее вслух, потому что на другое у меня пока не нашлось сил.

Каждому выдали заверенное свидетельство. Свое я убрала между двумя листами плотной бумаги, чтобы не смять в сумке. Кольцо Наира предложила забрать. Гаррет сунул свое в карман. Я завернула мое в платок.

На улице уже перестал дождь. По краям ступеней стояли лужи, отражавшие светлые промежутки между тучами. Гаррет задержал меня у перил.

— Лиана, я не собираюсь оставлять тебя без средств. Не усложняй то, что можно устроить спокойно.

— Я поговорю с поверенным о том, что мне положено. Не сегодня.

— Дом у моря тебе всегда нравился.

Мне нравилось проводить там две недели в конце лета. Нравилось просыпаться рядом с мужем и слышать, как садовник поливает каменные ступени. Гаррет предлагал поселить в этом воспоминании совсем другую жизнь.

— Я останусь в Равенне.

— У Тессы?

Тесса смотрела на площадь. Я видела, как она сжимала ручку зонта, но в разговор не вступала.

— Пока да.

— Это лавка, Лиана. Там постоянно ходят покупатели.

— Я заметила.

Мой ответ показался ему раздражающей мелочью. Он выдохнул, как выдыхал перед особенно непонятливым слугой, и я впервые не поспешила сгладить паузу.

— Керт привезет оставшиеся личные вещи. Составь список.

— Хорошо. Он может оставить сундуки внизу, у Неллы.

Мне понадобилось усилие, чтобы не объяснить, кто такая Нелла и в какие часы ей удобнее принимать доставку. Все это Керт мог выяснить сам.

Гаррет надел перчатки. Через площадь к нему уже спешил человек в форме Дворцовой стражи, держа сложенный пакет. Мой бывший муж взглянул на пакет, потом на меня.

— Ты побледнела. Возьми мою карету.

— Мы дойдем до стоянки.

Он не стал настаивать. Служба получала его внимание быстрее, чем я успевала подобрать последние слова. Я отвернулась прежде, чем он начал читать.

На нижней ступени Тесса развернула зонт и тут же закрыла: дождь кончился окончательно.

— Куда теперь? — спросила она.

От простого вопроса меня вдруг затрясло. Я остановилась, пропуская женщину с ребенком. Та недовольно обошла нас, зацепив мою юбку корзиной. Жизнь вокруг продолжалась, даже не потрудившись стать тише.

— Я не знаю, — призналась я.

Тесса несколько мгновений помолчала.

— Тогда к булочнику. Он знает, что делать по утрам.

За углом продавали теплые лепешки с сыром. Мы сели у окна, и Тесса заказала две, не спрашивая меня. Я отломила кусочек. Сыр потянулся длинной нитью, упал мне на рукав, и я неожиданно рассмеялась. Тут же закрыла рот ладонью, испугавшись собственного смеха.

— На платье не останется, — сказала Тесса и придвинула салфетку.

Я смеялась еще несколько секунд, потом все-таки расплакалась. Она не переменялась в лице, только подвинула к нам ширму, за которой булочник держал пустые противни. Получилось тесное, нелепое укрытие с запахом подгоревшего теста. В нем я наконец смогла съесть свой завтрак.

* * *

Деньги мы считали после обеда. Тесса закрыла дверь в жилую комнату, чтобы звонок в лавке не заставлял меня всякий раз вздрагивать, и положила передо мной чистый лист.

Из материнского мешочка высыпались монеты. Часть была потемневшей, с затертыми ребрами. Я знала их почти на ощупь: доставала иногда, пересчитывала и убирала, не тратя. Мама говорила, что собственные деньги особенно полезны тем, кому кажется, будто они никогда не понадобятся.

Теперь мне было стыдно, что я называла это ее тревожностью.

— Сколько я должна тебе за комнату? — спросила я.

Тесса назвала сумму.

— С едой?

— С завтраком и ужином, если едим вместе. Заказное пиршество каждый вечер сюда не входит.

— Это слишком мало.

— Для комнаты над торговым залом с общей ванной — нормально. Если хочешь с видом на дворец, придется доплатить за лестницу на крышу.

Я попыталась улыбнуться, но снова посмотрела на цифру.

— Ты уверена?

— Лиана, я умею назначать цену. Учись верить мне хотя бы в этом.

Я отсчитала плату за две недели. Отделять свои деньги от общей кучки оказалось неприятнее, чем я ожидала. Умом я понимала, что покупаю возможность остаться, но пальцы задержались на последней монете.

Тесса сделала вид, будто не заметила.

Мы прикинули расходы на еду, мыло, извозчика в крайнем случае, материалы. При скромной жизни накоплений хватало примерно на два месяца. Если ничего не ломалось и я не заболела. Если не понадобились дорогие нити. Я перечитала список и только теперь поняла, как много вещей в прежней жизни возникало без моего участия: свечи, дрова, чистая вода в кувшине, подшитая обувь.

— Украшения тоже можно продать, — сказала я.

— Можно. Не сегодня.

Я прикрыла крышку коробки. Золотые листья свадебного браслета мелькнули под маминими серьгами. Отдать его ювелиру хотелось немедленно, почти яростно, но я не была уверена, что назову разумную цену.

— Есть у тебя место, где можно натянуть большие пальцы?

Тесса посмотрела на меня внимательнее.

— В задней комнате. Сейчас там отрезы для зимних заказов. Подвинем полку.

— Я могла бы делать защитные вставки. Небольшие, для дорожных вещей. Не сложные парадные плащи.

— А сложные чем тебе не угодили?

— Их долго делать. Мне нужно начать с того, что можно закончить быстро.

Она одобрительно кивнула и вытащила из шкафа серый шерстяной капюшон. У горловины лежал рисунок, знакомый мне по летним разговорам.

— Помнишь госпожу Вирсу? Ей нужны были вставки для сына. Он опять уезжает в учебный дом. Я могу сказать, что ты берешь заказы.

— Скажи.

— За деньги, Лиана.

— Я понимаю.

— Ты летом сказала ей: «Да что там работы». На глазах у меня.

Я вспомнила. Госпожа Вирса тогда тревожилась, что мальчик простудится, а я собиралась помочь между подготовкой обеда и примеркой собственного платья. Отказаться от пустого обещания было поздно. Исполнить его бесплатно я теперь не могла.

— Я объясню, что обстоятельства изменились.

— Объясни, сколько стоит нить и твое время. Подробности брака ей ни к чему.

Тесса ушла вниз на звонок, оставив меня с капюшоном. Я провела пальцем по шву. Работа была простая, добротная, стежки ровные. Только подкладку следовало раскрыть целиком, иначе защитный узор лег бы слишком близко к краю и начал тянуть ткань.

Мне захотелось взять иглу немедленно. Сделать хоть что-нибудь, что подчинялось знакомым правилам.

Вместо этого я записала, какие материалы нужны, и остановилась. Заказ еще не был принят. На столе лежала чужая вещь, а не просьба, которую я обязана выполнить прежде, чем хозяйка успеет передумать.

* * *

Сундуки привезли на следующий день. Не Керт — двое носильщиков и молодой лакей, который прежде подавал Гаррету утреннюю почту. Он все время называл меня леди Вейр, потом спохватывался и краснел.

Я не поправляла его снова. Он и так едва не уронил коробку с башмаками.

Вещей оказалось больше, чем помещалось в комнате. Мы с Тессой открывали сундуки на полу, перекладывая вечерние платья на кровать. Одно еще хранило запах духов, которыми я пользовалась в начале лета. Я помнила, куда собиралась в нем, как ждала Гаррета у зеркала и как он вернулся слишком поздно, чтобы ехать вместе.

Тесса подняла тяжелую бархатную юбку.

— Эту пока завернем. У меня от нее уже спина болит.

Я провела ладонью по ткани и вдруг сказала:

— Я ведь не была все двенадцать лет несчастна.

Она перестала складывать.

— Я знаю.

— Теперь все будут говорить, что он всегда был таким, а я ничего не видела.

— Все говорить не будут. У всех есть собственные дела.

— Ты понимаешь, о чем я.

Тесса села на корточки рядом со мной.

— Понимаю. Ты сейчас пытаешься решить, какие из хороших дней были настоящими. Я не смогу сделать это за тебя.

Я уткнулась в бархат, чтобы отыскать пропущенную булавку. Ее там не было.

В сундуке нашлась мамина книга узоров, забытая в нижнем ящике рабочего стола. Я раскрыла ее на странице с косым защитным плетением. Между листами лежал засушенный клевер — когда-то я положила его туда, вернувшись с мужем с прогулки. У растения отломился один листочек и упал на покрывало.

Я стряхнула его в ладонь и выбросила. Книгу поставила на полку у изголовья.

К вечеру комната стала моей настолько, насколько может стать твоим место за трое суток. В шкафу висели повседневные платья, инструменты лежали в нижнем ящике, чтобы не зацепить рукавом ножницы. Тесса разрешила снять нелепый желтый полог с кровати. Под ним обнаружилось пятно на стене.

— Крыша протекала позапрошлой зимой, — призналась она. — Все высушили. Просто красить было некогда.

— Я могу повесить сюда свой образец.

— Тогда гости решат, что у меня художественное заведение, и начнут трогать ткани жирными пальцами.

Она помогла прибить маленький крючок. Я повесила не образец, а пустые пальцы: сначала надо было купить подходящий отрез. Круг на стене выглядел странно, но пятно прикрывал.

На четвертый день я пошла с Неллой к торговцу нитями. Она несла список для лавки, я — собственный, в котором трижды исправила количество. Оказалось, что покупать малую катушку дороже, чем отрезать столько же от общего запаса. Торговец объяснил это терпеливо и без жалости. Я осталась ему благодарна именно за отсутствие жалости.

Дорогую серебристую нить для сильной защиты я пока только посмотрела. Протянула между пальцами, проверила равномерность отклика и вернула моток на прилавок. Для первых заказов хватало другого.

На обратном пути Нелла спросила:

— Вы всегда сами все подбирали?

— Не все. Иногда присылали на дом.

— Тогда вас наверняка обманывали. На дом лучшие катушки не носят. Самые красивые — да. Лучшие надо искать в нижнем ящике.

Она была лет на пятнадцать моложе меня и произнесла это совершенно серьезно. Я подумала, что за последнюю неделю узнала от нее больше полезного, чем от половины знакомых дам за год.

В лавке нас ждало приглашение. Точнее, приглашение получила Тесса, а меня дописали с ее согласия внизу.

«Завтра к семи. Никаких речей о погоде. Приноси свою человеческую компанию, если она не боится моего супа. Инесса».

— Она знает? — спросила я.

Тесса складывала счет от торговца.

— Что ты живешь у меня и развод завершен — знает. Что произошло в галерее, я не рассказывала.

— Я не готова к большому ужину.

— Там шесть человек вместе с нами. Инесса собирает нас раз в месяц. Ее суп иногда требует свидетелей.

Я видела Инессу Линн прежде, когда она заказывала у Тессы чехлы для редких книг. Сухоощавая седая женщина переводила старые путевые записки, спорила с учеными и выращи-

вала на окнах растения, которые не помещались в обычные горшки. Гаррет называл ее забавной старухой. Мне она казалась человеком, который замечал больше, чем показывал.

— Кто еще придет?

— Велена с мужем. И лорд Торн.

Я подняла голову слишком резко.

Тесса посмотрела на меня.

— Он бывает у нее с весны. Они разбирают карты Северного берега для нового перевода.

Приглашение он получил раньше нас.

— Марек Торн?

— Ты знаешь другого?

Я знала достаточно об одном, чтобы захотеть отказаться. В памяти возник высокий мужчина в черном мундире, стоявший у колонны на зимнем приеме. Гаррет увел меня на другую сторону зала, сказав, что Торн не умеет проигрывать и опасен именно этим.

Три раза за последний год мы оказывались в одном обществе. Три раза я старательно выбирала взглядом кого-нибудь другого.

— Ты его боишься? — спросила Тесса.

Мне не понравилось, как прямо прозвучал вопрос.

— Я не уверена, что хочу провести вечер с человеком, который ненавидит Гаррета.

— Тогда не ходи. Инесса не обидится. Я тоже.

Это простое разрешение неожиданно помешало отказаться. Я посмотрела на купленные нити, разложенные по цветам, на корзину с чужими капюшонами, на лестницу вверх. Четыре дня мой мир умещался между этой лестницей и ближайшим рынком.

— Он знает, что я буду?

— Инесса ему сообщит. Она не устраивает сюрпризов с гостями. Только с супом.

Я взяла приглашение.

— Хорошо. Но если станет неприятно, я уйду раньше.

— Возьмем отдельного извозчика. Я, возможно, захочу дослушать, как Велена спорит с Инессой о травах.

Вечером я достала темно-зеленое платье, в котором не было ни парадной вышивки дома Вейр, ни неудобного высокого воротника. Оно застегивалось сбоку, и я справилась сама. Потом долго смотрела на голый палец в зеркале.

Я все еще начинала каждое решение с мысли о том, что сказал бы Гаррет. Мне не нравилось это замечать. Но мысль уже не обязательно становилась поступком.

* * *

У Инессы было жарко. В прихожей стояли два огромных лимонных дерева, и мне пришлось боком протискиваться между кадками, пока хозяйка ругала садовника, не пришедшего уменьшить крону.

— Он говорит, что сейчас нельзя резать. Я говорю, что скоро нельзя будет входить. Мы оба правы, и от этого никакого толка.

Она поцеловала Тессу в щеку, у меня взяла обе руки и на секунду задержала их в своих.

— Рада, что вы пришли, Лиана. В доме слишком много людей, которые считают себя знатоками. Вы умеете говорить: «Я этого не знаю»?

— Иногда.

— Прекрасно. Будете подавать пример.

Меня провели в столовую без расспросов. Велена оказалась невысокой целительницей с короткими пальцами и внимательным взглядом, ее муж Лукас — владельцем садового хозяйства. Я видела их прежде у Тессы, но никогда не сидела с ними за одним столом.

Марек Торн стоял у окна. Он обернулся, когда Инесса назвала мое имя, и я сразу заметила раннюю седину у его висков. С другого конца большого зала ее не было видно. Вблизи он выглядел старше, живее и гораздо менее похожим на опасную фигуру из рассказов Гаррета.

— Леди Ровель, — сказал он.

Я не успела подготовиться к своей фамилии в его голосе.

— Лорд Торн.

Он поклонился, не протягивая руку, и отступил, чтобы я могла сесть. Я выбрала место рядом с Тессой. Между мной и Марексом оказался угол стола, кувшин воды и корзинка хлеба. Этого расстояния должно было хватить для спокойного вечера.

Инесса подала суп сама. Он оказался вполне хорошим, только непривычно острым. Лукас начал было объяснять, как следует сушить перец, но хозяйка постучала ложкой по краю тарелки.

— Если ты снова расскажешь, почему у меня погибает розмарин, я попрошу тебя забрать его к себе и воспитать заново.

— Я согласен. Но вместе с горшком.

— Горшок стоит дороже всей твоей рассады.

Тесса рассмеялась. Велена начала защищать мужа. Я слушала их спор, понемногу осваиваясь в том, что никто не ждал от меня ни извинений, ни достойного поведения обиженной жены. Моя задача заключалась в том, чтобы не опрокинуть локтем кувшин.

Марек ел медленно. Правую ногу он вытянул под столом, и один раз я заметила, как он осторожно переменял положение, стараясь не задеть соседний стул. На руке, лежавшей рядом с тарелкой, белел старый ожог. Пальцы были длинными и неожиданно аккуратными для человека, которого я представляла с оружием.

— Лиана, Тесса говорит, вы делаете защитную вышивку, — обратилась ко мне Инесса. — У меня есть чехол, который спас книгу от пролитого чая. Но сама книга все равно отсырела.

— Защита от воды не сушит то, что было влажным прежде.

— Вот. Я то же сказала. Но мне ответили, что вещь зачарована.

— Ее могли зачаровать очень хорошо. Только на другую задачу.

Инесса потребовала подробностей. Я объяснила, как влага проходит по незакрытому шву, почему нельзя хранить мокрую книгу в непромокаемом чехле и зачем после дороги снимать защитный слой. Говорить о работе было легче, чем отвечать на обычное «как выживаете». Я увлеклась и только потом поняла, что держу в руках салфетку, показывая край плетения.

— Простите, — сказала я, расправляя ткань.

— За что? — спросил Марек.

— Я устроила урок за ужином.

— Инесса только этого и добивается. Бесплатно получает советы, потом жалуется, что гости спорят.

Хозяйка показала ему ложку. Он улыбнулся, и у внешнего края его глаза появилась глубокая складка. Я отвела взгляд позднее, чем следовало.

После ужина Лукас пошел осматривать розмарин. Велена и Тесса обсуждали ткань для теплых компрессов, а Инесса попросила меня помочь выбрать место для лампы в маленькой библиотеке. Там пахло сухой бумагой и лимонной коркой. На столе лежали карты, прижатые чашками.

Марек принес еще одну лампу. Инесса тут же велела ему держать ее повыше, а сама ушла за листом, который, по ее словам, не потеряла, а надежно отложила.

Мы остались вдвоем. Я рассматривала карту слишком усердно.

— Северный берег? — спросила я.

— Старый тракт. Сейчас он проходит западнее. Инесса пытается доказать, что переводчик перепутал название реки с названием постоянного двора.

— И перепутал?

— Судя по расстояниям, путники три дня плыли в кружке пива.

Я не удержалась от улыбки.

Он поставил лампу на край стола, выждал и сказал:

— Если мое присутствие вам мешает, я могу закончить с картами в другой день.

— Это не мой дом, чтобы решать, кому здесь быть.

— Я спрашиваю, мешает ли оно вам.

От его прямоты я растерялась сильнее, чем от светского намека. Можно было сказать, что все прекрасно. Я уже почти произнесла это, но остановилась.

— Я привыкла слышать о вас определенные вещи.

— Догадываюсь.

— Наверное, вам обо мне тоже рассказывали.

— Я видел вас рядом с Гарретом и считал, что этого достаточно.

Он не пытался сделать признание приятнее. Я почувствовала, как лицо нагрелось.

— Вы считали, что я поддерживала его во всем?

— Да.

— На Смоляном перевале я не была.

Марек перестал смотреть на карту. В тишине донесся голос Инессы, спорившей в соседней комнате с ящиком, который не открывался.

— Знаю, — сказал он.

— Он говорил, вы отказались отступить, когда приказ уже был отдан. Что вы поставили свою гордость выше жизни людей.

Слова прозвучали грубо. Я поняла это слишком поздно и сжала край стола.

Марек медленно отодвинул лампу, чтобы не задеть ее локтем.

— Мне жаль, что я повторила это так.

— Вы повторили то, что знали.

— А что произошло?

Он провел пальцем по темной линии на карте, хотя это был совсем другой перевал.

— Мы выводили людей с нижней дороги. Прикрытие должно было держать восточный склон до сигнала. Гаррет отвел его раньше. Рядом шел обоз одного из его союзников, и он решил спасти обоз.

Я молчала.

— Когда склон остался открытым, к нам спустились стрелки. Мы потеряли семерых. Мой брат был среди них.

Я знала, что у него погиб брат. Гаррет произносил это как объяснение чужой необъективности: Торн ослеп от горя. Сейчас я слышала о человеке, которого не было в прежнем рассказе.

— Как его звали?

— Леон.

— Сколько ему было?

— Двадцать шесть.

Марек сказал это негромко, глядя мимо меня. Я не стала произносить слова, которые не могли помочь.

— Дело разбирали, — продолжил он спустя минуту. — Свидетельства разошлись. Часть людей слышала один сигнал, часть другой. Гаррет утверждал, что видел обходящий отряд и спасал тех, кого еще мог. Суд не нашел достаточных оснований для обвинения.

— Вы ему не верите.

— Я стоял там. И видел, кого не стало на склоне.

Я не могла судить о давнем сражении по одному разговору. Но впервые слышала другую сторону. Марек называл имя брата, а я вспоминала, как легко соглашалась с Гарретом, что его враг просто ослеп от горя.

— Я не знала, что прикрытие вообще ушло, — сказала я.

Марек посмотрел мне в лицо. Долго, без недоверчивой усмешки, которой я ждала.

— Верю.

— Почему?

— Вы спрашиваете то, чего обычно не спрашивают люди, заранее выбравшие ответ.

Мне стало неловко. Я-то выбрала ответ пять лет назад, просто потому что жила с человеком, который его предложил.

— Я не могу исправить то, что думала о вас раньше.

— И я о вас.

В дверях появилась Инесса с помятым листом.

— Нашла. Он лежал именно там, где ему полагалось. Просто я не предполагала, что проявила такую предусмотрительность.

Она замолчала, посмотрев на нас, но ничего не спросила. Положила лист на карту и потребовала от Марека объяснить, могла ли лодка пройти отмеченную отмель осенью.

Я осталась слушать. Постепенно напряжение отступило, оставив усталость и странное желание еще раз взглянуть ему в глаза, когда разговор перестанет быть тяжелым.

Это случилось через несколько минут. Инесса, сверяя названия, прочла вслух фразу о могучем речном звере. Марек сказал, что на этом месте всю жизнь стояла таможня и зверем, вероятнее всего, был сборщик пошлины. Я рассмеялась вместе с хозяйкой. Он взглянул на меня, и улыбка задержалась у него на лице.

Когда мы вернулись в столовую, он отодвинул для меня стул. Я заметила, что он не взял меня за локоть и не направил к нужному месту. Просто подождал, пока я решу сесть.

Позднее, одеваясь в прихожей, я не могла найти вторую перчатку. Она зацепилась за ветку лимонного дерева. Марек снял ее и подал мне.

— Растения Инессы тоже собирают пошлину, — сказал он.

— Я отделалась дешево.

— Это до следующего посещения.

Тесса вышла к извозчику, оставив дверь открытой. За порогом пахло сырой листвой. Мне вдруг захотелось еще немного постоять в прихожей, среди нелепых деревьев и чужих шарфов.

— Вы гуляете по набережной? — спросил Марек.

— В последнее время я гуляю до торговца нитями.

— Там тоже бывает интересно. Но у реки меньше катушек.

Я посмотрела на него. Он больше не улыбался так легко, как в библиотеке. Ждал всерьез, и от этого мне стало жарко под застегнутой накидкой.

— Завтра я буду в городе после трех, — сказал он. — Если захотите, мы могли бы пройти от Речной арки. Без карт и старых споров.

В голове первым возник Гаррет. Я услышала, как он произнес бы фамилию Торна, с каким выражением посмотрел бы на меня. Потом увидела собственную руку без кольца и разозлилась на себя за то, что снова принесла его в этот разговор.

— Я хочу, — сказала я.

Марек чуть выпрямился.

— В четыре?

— В четыре. Только я не знаю, где там удобнее встретиться.

— У лестницы к воде. Возле каменного льва с отбитым ухом.

— Звучит достаточно приметно.

— Второе ухо пока на месте.

Извозчик снаружи кашлянул. Я надела перчатку, попрощалась с Инессой и вышла, чувствуя на спине тепло прихожей еще несколько шагов.

Тесса подвинулась в экипаже, освобождая мне место. Колеса тронулись, и я только тогда позволила себе улыбнуться в темноте.

— Хороший был суп, — сказала она.

— Очень.

Она не стала расспрашивать. Я посмотрела назад. Марек стоял на верхней ступени, держа в руке перчатки. Когда экипаж повернул, он поднял руку, и я ответила прежде, чем успела подумать, как это выглядит со стороны.

Глава 3. Ночь, которую выбрала я

У каменного льва не было не только уха, но и половины хвоста. Я пришла на десять минут раньше и успела обойти его дважды, прежде чем поняла, что прохожие начали принимать меня за любительницу городской древности.

Ветер с реки трепал край накидки. Я прижала его локтем, поправила перчатку, опять посмотрела на часы над воротами. Дома мне казалось, что зеленое платье слишком нарядное для прогулки. Коричневое — слишком унылое. Синее напоминало об утре развода. В конце концов я надела зеленое и долго завязывала ленту на шляпке, пока Тесса не постучала в дверь.

— Он увидит тебя, даже если узел будет немного кривым.

Я сказала, что дело вовсе не в нем. Она посмотрела на три платья на кровати и ушла, не скрывая улыбки.

Теперь мне хотелось развязать ленту. Она мешала дышать, хотя сидела совсем свободно.

— Вы изучили нашего льва?

Я обернулась. Марек шел со стороны арки, без шляпы, в темном пальто. На солнце седина у висков была заметнее, чем вчера. Он остановился чуть дальше, чем остановился бы Гаррет, и я сама сделала шаг ему навстречу.

— У него повреждений больше, чем вы обещали.

— Я говорил об ушах. За хвост не ручался.

— Как удобно вы составляете описания.

— Постараюсь впредь предупреждать обо всех недостатках.

Он улыбнулся, и мое волнение стало другим. Уже не хотелось уйти до того, как меня заметят. Хотелось, чтобы он еще раз улыбнулся именно мне.

Мы пошли вниз по широкой лестнице. На последней ступени блестела вода; Марек предложил руку, и я взялась за нее. Через перчатку я чувствовала тепло его пальцев. Он отпустил меня, как только мы оказались на ровном месте, а я несколько секунд не знала, куда деть ладонь.

У воды былолюдно. Грузчики перекачивали бочки на низкую баржу, женщина продавала горячие каштаны, два подростка спорили о рыбацкой леске. Один держал ее зубами и никак не мог объяснить другому, в чем тот ошибся. Я невольно замедлила шаг.

— Хотите каштанов? — спросил Марек.

— Я смотрела на мальчиков.

— Их нам вряд ли продадут.

Я рассмеялась. Он купил маленький бумажный кулек и подал мне. Скорлупа обжигала пальцы даже сквозь перчатку. Я сняла одну и принялась чистить, ломая теплую мякоть ногтем.

— Следовало попросить второй кулек, — сказала я. — Я сейчас все рассыплю.

Марек подставил ладонь для скорлупы.

— Теперь у вас есть помощник.

Это было так обыденно, что я растерялась. В прежней жизни с мужчиной, который носил мой мусор в ладони, я не гуляла очень давно. Я едва не сказала это вслух, но вовремя остановилась. Мне хотелось, чтобы у сегодняшнего дня были собственные подробности.

— Вы часто здесь бываете?

— Когда живу в городе. Утром здесь тише. Рыбаки ругаются, зато никто не просит обсудить земельные сборы.

— А в Сером Утесе просят?

— Там знают, где меня искать.

Он рассказал о старой пристани, которую каждую весну подмывала река, о споре между перевозчиком и мельником, о садовнике, уверявшем, что яблони плодоносили бы лучше, если

бы хозяин перестал ходить по газону. Я слушала с удивлением. Лорд Северного берега оказался человеком, которому писали по поводу сломанного водостока.

— Вы разочарованы? — спросил он, заметив мое выражение.

— Немного. Мне казалось, у лордов все решается одним приказом.

— Я могу приказать водостоку починиться. Потом все равно приходится звать кровельщика.

Мы остановились у невысокого парапета. На другом берегу желтели деревья, среди них поднималась тонкая колокольня. По воде ползла тень облака. Я сняла вторую перчатку и убрала обе в сумку.

Марек посмотрел на мои руки. Я машинально повернула ладони внутрь, пряча прокол у большого пальца.

— Болит? — спросил он.

— Нет. Просто след от иглы.

— Вы вчера работали после ужина?

— Сегодня утром. Переделывала образец.

— И получилось?

Я задумалась. Обычно в ответ на такой вопрос говорила, что работа пустяковая. Теперь он смотрел так, словно результат действительно имел значение.

— Получилось. Но пришлось распустить половину. Я выбрала красивую нить, а она плохо держит узел на повороте.

— Как вы это определяете?

Я объяснила. Марек слушал без притворного восторга, задал два вопроса, один совсем неудачный. Я поправила его. Он признал, что представлял защиту как натянутую над тканью пленку, а не как работу самой нити.

— Тогда почему нельзя сделать плащ, который выдержит любое пламя?

— По той же причине, по которой нельзя носить на плечах печную стену. Материал, вес, запас силы. Если сделать защиту слишком плотной, человек в ней задохнется от жары раньше, чем встретит огонь.

— Понятно.

— И еще я не знаю мастера, который смог бы спрятать бесконечный запас в катушке. Если встретите, познакомьте. Я сначала поспорю, а потом попрошу работу.

Он засмеялся, и я заметила, как легко мне было произнести последнюю фразу. В доме Гаррета желание работать звучало как жалоба на недостаток средств или внимания. Здесь оно оказалось обычной частью разговора.

Мы дошли до ряда небольших торговых навесов. Под одним продавали керамику — чашки, миски, невысокие кувшины. Мне приглянулась широкая чашка с темно-синей полосой по краю. Не парадная, чуть неровная. Ее было удобно держать двумя руками.

Я взяла ее и сразу вспомнила свой список расходов.

— Хорошая, — сказал Марек.

— Хорошая.

Я поставила чашку обратно.

Торговка назвала цену. Я удивилась: меньше, чем предполагала. Достала кошелек, пересчитала мелочь. Марек стоял рядом и не потянулся за своими деньгами. Почему-то именно это заставило меня окончательно решиться.

— Заверните, пожалуйста.

Чашку обмотали мягкой стружкой и серой бумагой. Я прижала сверток к себе и ощутила нелепую радость. В комнате у Тессы было несколько чашек, но эту я выбрала сама и могла поставить куда угодно.

— Что? — спросила я, заметив его взгляд.

— Ничего. Вы улыбаетесь.

Я отвернулась к реке. Улыбка все равно осталась.

* * *

Обедать мы зашли в маленький трактир с окнами на воду. Марек заранее спросил, не слишком ли я устала, и я впервые за день поняла, что ноги действительно гудели. Мы прошли больше, чем я привыкла за последние месяцы.

В зале пахло хлебом, луком и печеной рыбой. Служанка предложила столик в углу. Марек посмотрел на меня, дождался кивка и только потом отодвинул стул.

Я хотела снять накидку, но сверток с чашкой выскользнул из-под локтя. Он поймал его у самой скамьи.

— Первое испытание, — заметил он.

— Без всяких защитных нитей.

— Значит, не будем повторять.

Я покраснела и засмеялась одновременно. Он положил сверток на свободный стул, помог мне с накидкой и сел напротив. При дневном свете за столом уже нельзя было смотреть на него украдкой. Приходилось либо встречать взгляд, либо делать вид, что меню необыкновенно занимательное.

Я выбрала рыбу. Он — мясо с кореньями. Когда принесли блюда, выяснилось, что моя рыба была почти целиком занята костями.

— Это ошибка, — сказала я после третьей попытки.

— Могу поделиться.

— Вы собираетесь оставить меня с мыслью, что я не умею выбирать обед?

— Я собираюсь дать вам кусок мяса.

Он переложил его на маленькую тарелку, не трогая мою. Я взяла, а ему предложила рыбу, из которой уже вынула самые опасные кости. Мы провели несколько минут, обсуждая, кто из нас получил лучшую часть сделки, и я неожиданно поймала себя на том, что совершенно не думаю о разводе.

Это открытие испугало. Я замолчала посреди фразы.

Марек тоже остановился.

— Что случилось?

— Ничего плохого.

Он не стал заполнять паузу.

Я провела пальцем по ножке стакана.

— Мне хорошо. И от этого немного стыдно.

— Перед кем?

Вопрос был неприятным, потому что я не знала ответа. Перед женщиной, которая плакала у Тессы три ночи назад? Перед двенадцатью годами, которые нельзя было так быстро убрать в сундук? Перед людьми, которые сочтут меня легкомысленной?

— Наверное, я должна была подождать, прежде чем идти гулять с вами.

Марек положил вилку.

— Если вам нужно подождать, мы можем сейчас закончить обед и я провожу вас домой.

— Вы все понимаете слишком буквально.

— Иногда это помогает не решить за другого лишнего.

Я посмотрела на него. Он говорил спокойно, но в голосе не было равнодушия. Я заметила, как большим пальцем он развернул кольцо на правой руке, сдерживая какое-то движение.

— Я не хочу уходить, — сказала я.

— Тогда оставайтесь.

За соседним столом ребенок уронил ложку. Его мать устало наклонилась, отец подозвал служанку за чистой. Они не были ни особенно счастливы, ни несчастны — просто обедали втроем. Я невольно задержала на них взгляд.

Марек подвинул мне хлеб.

— Вы хотели детей?

Я удивилась, что не почувствовала обычного раздражения от этого вопроса. Возможно, потому что он не добавил к нему сочувствующего выражения.

— Хотела. Потом мы все время откладывали. То переезд, то служба, то неподходящий год. В какой-то момент я перестала спрашивать, когда год станет подходящим.

— Простите, если я задел.

— Нет. Просто редко говорила об этом вслух.

Я отломил хлеб и спросила, прежде чем успела передумать:

— А у вас есть дети?

— Нет.

— И женщина, которая могла бы удивиться этой прогулке?

Он не улыбнулся.

— Нет, Лиана. Я ни с кем не связан. Ни браком, ни обещанием, о котором забыл сообщить.

Мне стало стыдно за резкость вопроса. Он заметил и чуть покачал головой.

— Это разумно спросить.

Служанка убрала тарелки. Мы заказали чай. Когда она ушла, я поняла, что самое неудобное все еще оставалось между нами.

— Вчера вы сказали, что считали меня союзницей Гаррета.

— Да.

— Теперь я его бывшая жена. Это делает меня интереснее?

Он посмотрел в окно, потом снова на меня.

— Вы спрашиваете, приятно ли мне, что его рассердила бы наша встреча?

— Да.

— Приятно.

Я ожидала отрицания. От честного ответа все равно стало холодно.

Марек не попытался перехватить мою руку.

— Я не хочу лгать вам, чтобы показаться лучше. Между нами достаточно того, что вы слышали раньше. Но если бы я хотел только рассердить Гаррета, мне не понадобилось бы целый день узнавать, почему у нити распускается поворот.

— Это еще не доказательство.

— Нет. Это объяснение.

Он сидел прямо, не пряча взгляда. Мне захотелось резко ответить и уйти, чтобы он понял, насколько серьезно я говорю. Но тогда я наказала бы его за правду, которую сама попросила.

— Я не хочу, чтобы вы потом вспоминали сегодняшнюю прогулку как удачный ход, — сказала я. — Мне достаточно одного человека, который заранее решил, зачем я ему нужна.

— Я понимаю.

— А если Гаррет никогда не узнает?

— Я все равно хотел бы увидеть вас завтра.

В животе потеплело. Я сердито опустила глаза на чашку: тело согласилось раньше, чем я закончила разговор.

— Мне нельзя будет рассказывать вам о нем, — сказала я. — Я могу случайно сказать что-то личное. Привычки, вещи, которые не имеют отношения к перевалу.

— Я не стану их выпрашивать.

— Даже когда поспорите?

— Даже тогда.

Я долго помешивала чай, хотя сахар уже растворился. Потом положила ложку.

— Хорошо.

— Это означает, что вы еще хотите гулять?

— Это означает, что я допью чай. А потом, скорее всего, захочу гулять.

Он снова улыбнулся. Мне понравилось, что улыбка появилась не сразу, словно ему тоже понадобилось время выдохнуть.

* * *

К вечеру у реки похолодало. Мы свернули на улицу, где ветер не бил в лицо, и я заметила, что Марек слегка прихрамывает. Раньше это было почти незаметно; теперь он осторожнее ставил правую ногу на неровные камни.

— Мы прошли слишком далеко? — спросила я.

— Для прогулки — в самый раз. Для моего колена — возможно.

— Почему вы не сказали?

— Потому что разговор был интереснее.

Он произнес это без намерения польстить. Я остановилась.

— Тогда сядем где-нибудь.

— Мой дом за следующим поворотом. Там есть кресла, и Марта наверняка оставила ужин, который придется есть независимо от того, голоден я или нет.

Я посмотрела на него. Улица вдруг стала тише, хотя по ней проехала телега и кто-то громко закрыл ставню.

Марек, должно быть, заметил мою нерешительность.

— Я могу просто проводить вас к извозчику.

— Я знаю.

Мне было куда возвращаться. В комнате у Тессы стояли мои вещи, на столе лежал образец, на днях надо было встретиться с покупательницей. Я не нуждалась в его гостинице, чтобы не остаться на улице. От этого приглашение сделалось гораздо страшнее и привлекательнее.

— Я хотела бы посмотреть ваш дом, — сказала я.

— Тогда пойдем.

Он не взял меня под руку, пока я сама не коснулась его рукава. Ткань пальто была теплой от тела. Я держалась легко, двумя пальцами, будто это могло скрыть, сколько внимания требовало простое прикосновение.

Дом у Речной арки оказался меньше, чем я представляла. Три этажа, узкий балкон над входом, темная дверь с медной ручкой. В окнах нижнего этажа горел свет. За дверью пахло древесным маслом и чем-то печеным.

Марта вышла нам навстречу, вытирая руки полотенцем. Это была плотная женщина с гладко убранными седеющими волосами. Позже я узнала, что ей пятьдесят семь; двигалась она быстрее многих молодых служанок.

— Леди Ровель, — представил меня Марек. — Мы замерзли. Найдется чай?

— Найдется. Пирог тоже. Господин опять забыл про обед?

— На этот раз обед был.

Марта посмотрела на меня, и я кивнула. Она удовлетворилась независимым подтверждением и забрала наши накидки.

В гостинице стояли два разных кресла. Одно — широкое, с потертой кожей на подлокотниках, другое — легкое, обитое полосатой тканью. Книги лежали не красивыми рядами, а стопками возле мест, где их читали. На подоконнике я заметила деревянную лодочку с надломленным веслом.

— Это Инесса? — спросила я, указывая на стопку карт.

— Частично. Остальное мое беспорядочное хозяйство.

Он усадил меня у камина, но сам не сел сразу. Снял пальто, осторожно согнул колено, потом опустился в кожаное кресло. Я увидела, как напряглась его рука на подлокотнике.

— Вам нужно лекарство?

— Мазь. Позже. Сейчас пройдет.

— У вас все так: позже?

— Не все.

Он посмотрел на меня, и я ощутила, как горячий воздух камина коснулся щеки. У нас получалось разговаривать без труда, пока речь не заходила о том, что привело нас сюда. Тогда обычные слова начинали значить слишком много.

Марта принесла чай и пирог с яблоками. Я попросила передать Тессе записку, что задержусь и вернусь либо позже, либо утром. Когда написала последнее слово, рука замерла над бумагой.

Марек стоял у книжной полки и не смотрел через мое плечо. Я могла зачеркнуть. Написать «позже». Оставить себе видимость, что ничего еще не решила.

Я сложила лист и отдала Марте.

— Посыльный подождет ответа? — спросила она.

— Только если Тессе что-нибудь понадобится. Спасибо.

Марта ушла. Марек налил мне чай и поставил рядом чашку. Я заметила небольшой скол на блюде.

— В гостиной у вас разные чашки.

— Несколько разбились. Эти пока держатся.

— Гаррет велел бы заказать новый сервиз.

Я осеклась. Имя оказалось здесь без приглашения.

— Простите.

— Вы двенадцать лет жили вместе. Вам не нужно вычеркивать каждую фразу, в которой он возникает.

— Но я не хочу весь вечер сравнивать.

— Тогда расскажите о своей чашке. Почему именно синяя?

Я посмотрела на сверток, который он положил на низкий столик.

— Не знаю. В ней, наверное, хорошо пить что-нибудь горячее, обхватив ладонями.

— Это уже причина.

— И край неровный.

— Это тоже достоинство?

— Для пальцев — да. Сразу понимаешь, где держишь.

Он осторожно развернул бумагу и подал мне покупку. Я провела большим пальцем по глазури. Марек следил за движением, и мне стало трудно продолжать простой рассказ о чашке.

Я поставила ее на стол.

— Вы на меня смотрите.

— Да.

— Я заметила еще за обедом.

— Я надеялся.

Мне захотелось смеяться от смущения. Я отвернулась к камину, потом заставила себя снова встретить его взгляд.

— Я не очень понимаю, как теперь надо себя вести.

— Со мной?

Я кивнула.

Марек встал не сразу. Сначала спросил:

— Можно я сяду рядом?

Я подвинулась на диване. Он опустился возле меня, оставив между нами место для моей руки. Мы оказались так близко, что я увидела маленькую светлую отметину у него над бровью, почти незаметную издали.

— Я тоже не все понимаю, — сказал он. — Но мне хочется вас поцеловать. С этим как раз ясно.

Я смотрела на его губы, пока он говорил. Потом подняла глаза.

— Меня тоже.

Он наклонился медленно. Я успела ощутить его дыхание и закрыть глаза прежде, чем губы коснулись моих. Поцелуй был коротким, осторожным. Он отстранился ровно настолько, чтобы увидеть мое лицо, и я сама потянулась к нему снова.

На этот раз моя ладонь легла ему на плечо. Ткань рубашки смялась под пальцами. Я ожидала испуга, приступа вины, внезапного воспоминания, которое все испортит. Вместо этого почувствовала тепло и удивление: мне хотелось продолжать.

Когда мы разомкнули объятия, я тихо рассмеялась.

— Что? — спросил он.

— Лента.

Она развязалась и щекотала мне шею. Шляпку я так и не сняла до конца, оставила на затылке, забыв от волнения. Марек снял ее осторожно, как вещь куда более хрупкую, чем солома и шелк.

— Теперь лучше?

— Значительно.

Он положил шляпку рядом с чашкой. В этом соседстве было что-то настолько домашнее, что я вдруг не смогла пошутить.

Я коснулась его руки.

— Марек.

Он поднял глаза. Я впервые произнесла его имя без титула.

— Я не хочу, чтобы вы думали, будто я сейчас пытаюсь что-то себе доказать.

— А пытаетесь?

Я подумала. Внутри было много всего: обида, любопытство, желание снова почувствовать себя красивой. Но если бы передо мной сидел другой мужчина, ни одна из этих причин не заставила бы меня приблизиться.

— Я хочу остаться с вами, — сказала я. — Этого достаточно?

Его пальцы сомкнулись вокруг моей ладони.

— Для меня — да.

Ответ от Тессы принесли, когда чай уже остыл. На маленьком листке было всего несколько строк: она получила записку, утром будет в лавке, дверь наверху не заперта изнутри. Внизу приписала, что чашку лучше не оставлять в экипаже.

Я перечитала это дважды. Никаких вопросов, восклицаний или добрых советов. Подруга просто оставила мне дверь открытой.

Марек дождался, пока я уберу письмо.

— Все хорошо?

— Да. Она напомнила про мою покупку.

— Разумная женщина.

Он протянул мне сверток, но я покачала головой.

— Утром.

На секунду он замер, потом поставил чашку обратно. Мне понравилось, что мое слово изменило выражение его лица. Я могла быть не только человеком, которому делают предложение; я тоже могла обрадовать.

Мы еще немного сидели у камина. Марек рассказал, как в первый год после покупки городского дома пытался жить без Марты и трижды забывал распорядиться о дровах. Он был способен организовать переход отряда через затопленную дорогу, но не умел вовремя заметить, что в собственном доме нечем растопить печь.

— Марта пришла на неделю, — сказал он. — Разобрать счета и найти мне постоянную хозяйку.

— И сколько прошло?

— Почти четыре года.

— Значит, поиски продолжаются.

— Судя по ее требованиям к кандидатам, закончатся не скоро.

Я смеялась тихо, чтобы не было слышно в коридоре. Потом он поцеловал мои пальцы, и смех оборвался. Ничего необычного не произошло, но я вдруг остро почувствовала собственную руку — шероховатость кожи после работы, тепло его губ, осторожность, с которой он перевернул мою ладонь.

Мне захотелось убрать руку. От нежности я растерялась сильнее, чем от поцелуя: слишком важно вдруг стало прикосновение человека, которого я знала так недолго.

Марек ослабил пальцы, заметив движение. Я не отняла ладонь.

— Я могу испугаться, — сказала я.

— Тогда скажете.

— Не всегда получается сразу.

Он посмотрел на меня серьезно.

— Я постараюсь заметить. Но лучше скажите, даже если покажется, что поздно.

Это не сделало меня мгновенно спокойной. Зато я перестала изображать спокойствие.

Когда мы поднялись, он взял мою руку. На лестнице я почувствовала, как осторожно он переносит вес на правую ногу, и замедлила шаг. Марек коротко взглянул на меня, не стал объяснять или торопиться.

В комнате наверху окно выходило на темную реку. На спинке стула лежал теплый жилет, у кровати стояла книга с заложенным между страниц карандашом. Я почему-то сразу представила, как он читает здесь один: хмурится, перечитывает непонятную строку, забывает потушить свечу.

Он прикрыл дверь, оставив меня у окна.

— Вам холодно?

— Уже нет.

Я сама подошла к нему. Мы поцеловались снова, и на этот раз я обняла его за шею. Под воротником пальцы встретили неровный край старого шрама. Я задержалась на нем, потом отдернула руку.

— Простите.

— Не больно.

Он говорил тихо, почти у моего виска. Мне все время казалось, что сейчас придется сделать что-то правильно: выглядеть определенным образом, скрыть неловкость, угадать, чего он ждет. Но он не торопился, и я постепенно перестала следить за каждым движением.

Когда возник короткий разговор о защите, я ответила без привычного смущенного уклонения. Мы позаботились о ней до того, как отложили разговоры на потом. Это было таким же обычным вниманием друг к другу, как стакан воды у кровати и закрытое от сквозняка окно.

За стеклом прошел огонек лодки. Я смотрела, как он медленно движется между отражениями, пока Марек расстегивал непослушный крючок у меня на воротах. Его пальцы замерли.

— Не поддается.

— Слева надо прижать.

— Вот так?

— Нет, вы держите ткань.

Мы оба рассмеялись, и я помогла ему. Неловкость не исчезла, но перестала быть врагом. Можно было поправить, объяснить, попросить и не разрушить этим происходящее.

Позже, когда свеча почти догорела, я лежала рядом и слушала реку за приоткрытым окном. Марек погладил меня по волосам, убирая прядь со щеки. Мне не хотелось ни искать слова, ни проверять, изменилось ли что-нибудь во мне навсегда. Я устала, была счастлива этой минутой и знала, что еще не готова объяснять ее кому-либо.

— Спишь? — спросил он.

— Нет.

— Удобно?

Я устроила голову иначе, прижавшись щекой к его плечу.

— Теперь удобно.

Он подтянул одеяло. Я почувствовала его улыбку раньше, чем увидела, и положила ладонь поверх его руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.